

● ПОРТРЕТ НАРОДНОГО АРТИСТА НИКОЛАЯ СИМОНОВА

...Николай Константинович только что приехал домой из больницы. Звоню ему. Голос у него теплый, домашний, радостный. Спрашиваю о самочувствии.

— Ничего... Нормальное.

Слова звучат в трубке протяжно, с чуть заметным придыханием, и отчетливо слышна особая симоновская интонация.

В этом «ничего, нормально» чувствуется нетерпение поскорее вернуться к работе.

А знаете, что такое для него работа? Нет, это не только долгие дневные репетиции. Это — работа на сцене до полного опустошения, и, когда оно наступит, в его усталых глазах появляется счастливая улыбка...

Как-то я сказал Николаю Константиновичу о том, что в театр многие ходят собственно не на спектакль, а «на Симонова». Он долго молчал и потом ответил с неожиданной суровой интонацией:

— Преувеличиваете.

ВНЕ ТЕАТРА ОН СЕБЯ НЕ МЫСЛИТ

А еще через минуту, словно бы для того, чтобы сгладить впечатление от своей резкости, добавил:

— А сегодня спектакль, кажется, действительно неплохо прошел! Да и сказать правду — пьеса-то хороша.

Помню, когда в Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина репетировали «Маленькие трагедии», вдруг возникли волнения, что «Симонов-то играет не по Пушкину».

Известный пушкинист С. М. Бонди, приглашенный консультировать будущий спектакль, сокрушался, что из этой затеи ничего может не выйти.

— Николай Константинович, дорогой мой, премьера «Моцарта и Сальери» состоялась в среду, 27 января 1832 года, — говорил, словно читал давнишнюю афишу Сергей Михайлович. — В роли Сальери выступил господин Брянский, а через восемь лет — Каратыгин. Понимаете, сам Каратыгин! И спектакль успеха не имел. Так же, как не имел его когда в этой роли выступал не менее великий Щепкин. «Почему?» — спросите. Ответу: видимо, не до конца поняли Пушкина. Они играли только одну страсть, одну черту характера Сальери. Но то, что показываете вы, — это уже совсем не то, это, извините, вне эпохи. Это даже противоречит замыслу Пушкина.

Симонов застенчиво улыбался, как будто бы соглашался с доводами Бонди, но роль готовил, как и прежде, по-своему...

...Когда состоялся спектакль и помощник режиссера сбился со счета, опуская и поднимая занавес, когда все сидевшие в зале стоя приветствовали Симонова и Честнокова, исполнявшего роль Моцарта, старый пушкинист развел руками:

— Ну, батенька, повидал я на своем веку многое, но такой удачи, такого перевоплощения, такого мастерства — увы, приходилось встречать редко...

Н. К. Симонов играет на сцене театра разных людей — и Сатина, и Клаузена, — но во всех узнаваем, во всех — тот самый, давно любимый нами артист, с которым мы познакомились впервые либо в кинокартине «Петр Первый», либо в пушкинском «Борисе Годунове», либо в «Живом трупе».

Николай Константинович Симонов — замечательный русский трагик. И жаль, что зритель все-таки видит его на сцене редко, во всяком случае реже, чем хотелось бы. И жаль, что наши драматурги не написали пьесы для Симонова, пьесы с характерами, достойными, чтобы их воплощал такой могучий мастер, как Николай Константинович!

Я пытаюсь заговорить на эту тему, но Николай Константинович, как всегда, когда речь заходит о нем, о его планах, замыкается в себе или старается повернуть разговор на другую тему. И все-таки другой темы, чем театр, для него не существует.

...Правда, есть у Симонова еще одно увлечение, с годами не проходящее.

Давно, еще на заре юности, Николай Симонов приехал в Петроград из Самары поступать в Академию художеств. Ему предрекали будущность живописца. Но уже тогда, работая за мольбертом, Симонов нередко читал вслух друзьям монологи из пьес, изображал целые сцены из спектаклей...

Талант артиста бродил в нем, как внешние воды, и не мог не прорваться. Николай Симонов стал артистом и вот уже почти полвека трудом своим возвеличивает это звание.

Мало кто знает, что он пробовал свои силы и в режиссуре. Когда-то в Ленинградском академическом театре драмы имени Пушкина была и малая сцена. На ней шла «Бесприданница» в постановке Симонова. В Куйбышевском театре он поставил «Егора Булычова» и «Смерть Пазухина». В этих спектаклях, кстати сказать, блистательно играли молодые Ю. Толубеев и В. Меркурьев.

— А как же все-таки с живописью? — спрашиваю я его.

Он застенчиво улыбается и обводит взором стены комнаты, в которой мы сидим. Они сплошь увешаны картинами. Вот тронутый первым инеем лес, еще не сбросивший всю листву, но уже прореженный осенью настолько, что сквозь него видно светлой голубизны небо. А вот уголок старого Санкт-Петербурга. Высекая искры из каменных плит, скачут вдоль канала всадники. Аллюр бешеный, лиц не разглядеть, но легкий озноб тревоги пробегает по коже, когда глядишь на конников. Картина так и называется — «Тревога». Рядом — Моцарт и Сальери. Моцарт уже безжизненный, а Сальери судорожным движением прикрывает лицо... Все эти картины написаны Николаем Константиновичем Симоновым...

Однако квартира отнюдь не похожа на студию художника. Здесь живет артист, умеющий и любящий рисовать, но всеми помыслами обращенный к театру...

Дм. ХРЕНКОВ.

Ленинград.

ОБЩЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА
7-А/119 1973